

ПОЭЗИЯ

ВАДИМ ТЕРЁХИН

“И НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТЬ...”

КОСМОДРОМ

Я отчётливо помню суровый простор Казахстана,
одинокое эхо и редкую тень, перспективу
юной жизни сословия Марса, военного клана,
обретающей навек секретный в песках терпеливо.

Там и солнце, слепящее днём, протекает сквозь крыши.
Пыль безмолвия жёлтого гложет любые дороги.
Бессловесные звёзды и царствие Божие ближе,
и под ним Серафима по-прежнему ищут пророки.

Беспокойным трудом, результатом бессонных стараний
привлечённых судьбою людей неумело и слепо
запрокинул лицо из металла космический странник,
очарованный промыслом тайным бездонного неба.

Он мучительно ждёт, но до срока спокойно и тихо
во владеньях раздольных степного Аллаха и бая.
Только дрогнет земля, и сего персонального лиха
златотканый огонь в приходящую вечность сливая.

ТЕРЁХИН Вадим Фёдорович родился в 1963 году в пос. Песоченский Суворовского р-на Тульской области. Закончил Казанское высшее военное командно-инженерное училище Ракетных войск и Литературный институт имени М. Горького. Служил на космодроме Байконур, работал учителем, журналистом, специалистом по общественным связям. Член Союза писателей России. Автор стихотворных сборников “Прозрачное время”, “Разочарованный странник”, “Стихотворения”. Живёт в Калуге

Над землёй муравьиной, завешенной пыльной позёмкой,
растворённой неоновым светом умерших созвездий,
ему хлынут распахнутой грудью потёмки
ледяной тишиной, растворяя навек без известий.

Я отчётливо помню того человека в квартире,
трепетание рук на погашенном чтеньем конверте
от далёкой надежды, раздумья пустые о мире,
удалённом в леса, о значении, смысле, бессмертье

заключённой на время души, донельзя́ упрощённой
общим рядом надуманных тягот и сложных условий,
в начинающей плоти, с ветрами и службой сращённой,
находящей отличие от прочих в рифмованном слове.

Этот край, притянувший к себе, словно Мекка,
фанатичных паломников, тщетно гоняющих бесы,
бесконечное сходство исканий того человека
и летающего в неизвестных пространствах железа.

* * *

Омытое водой в купели,
Крещённое огнём и медью —
Беспечно в детской колыбели
Качается тысячелетье.
И сотрясает мирозданье,
Вре́мён покорного слугу,
Не осквернённое страданьем
Живое, звонкое “Агу!”
Куда влечёт его дорога?
Не догадаться, погода,
Какого дьявола и Бога
Упрятали в себе дитя.

* * *

Обрати внимание, прохожий,
Не на помрачение в народе,
А на то, что вечен образ Божий
В каждом первом встречном пешеходе.

Даже если он заочник ада,
Ученик его кругов и петель,
Пожалеть обиженного надо,
Ибо в нём остался горний пепел.

И в тебе, прохожий, вечен тоже
Свет, что неуклюже и нелепо
Бьёт тихонько из-под тонкой кожи
И обратно просится на небо.

* * *

Пропади оно и рухни —
Всё, что время ниспослало.
Утром ты стоишь на кухне
В настроенье “всё пропало”.

Всё пропало, мой дружок,
Только нам ещё осталось:
Дочки тонкий голосочек,
Мировая скорбь и жалость.

Нам дают, что мы не просим:
Это поле, эти реки,
Этот город, эту осень —
Это всё уже навеки.

И о том, как в мире жили,
К небесам взойдут проворно
Даже из посмертной пыли
Памяти живые зёрна.

Мы останемся по сплетням.
С песней о царе Горохе,
С человечеством последним
Целой умершей эпохи.

А пока летят мгновенья,
Я хочу хотя б звоночек
Этого стихотворенья
Вытащить за позвоночник.

Из того, что солнце рухнет,
Из того, что счастья мало,
Из того, что ты на кухне
Говоришь, что всё пропало.

* * *

Моё лицо — моя свобода
Жить в недовольствии собой
И сгнуться с шалостью любой
В холодной яме небосвода.

В благоразумном настоящем,
Где горек наш насущный хлеб,
В своём горении творящем
Я наг, бесправен и нелеп.

Из векового мрака вьётся
Творцу послушливая нить.
И как-нибудь не обойдётся.
И ничего не изменить.